

Два события я вижу особо важными, и оба они стимулировали некоторую активизацию социологического сообщества. Прежде всего, это публичное обсуждение состояния социологического образования и госстандартов по социологии, что было вызвано «бунтом» группы студентов социологов в МГУ. Другое примечательное социальное действие – судебный иск Федерации профсоюзов к члену РОС Карин Клеман, в котором профчиновники требовали сатисфакции за ущемление их достоинства. Автор написала, что ФНПР не поддержал забастовку рабочих Автоваза. Социологи исследовательского комитета РОС «Социология труда» подали в суд свое обращение, и профсоюзники проиграли процесс. Более того, канцелярия Президента поручила контрольному управлению Министерства по труду изучить проблему и представить свои предложения. Сейчас формируется рабочая комиссия с активным участием социологов. В числе других вопросов она должна сформулировать поправки к Трудовому кодексу¹.

Примечательно, что Ядов без колебаний отнес оба эти события к «научным». Это как раз и была та самая публичная социология.

Автор этих строк является «пессимистом по наблюдениям, но оптимистом по убеждениям». Резервы активности гражданственно ориентированных и нравственно мотивированных социальных исследователей, как нам кажется, все же далеко не исчерпаны.

Здесь хочется вспомнить о романтическом настрое зачинателей новейшей российской социологии в 1960-е годы. Может ли он возродиться 40 лет спустя — в новом качестве и в новых людях?

Нам представляется, что большинство социологов среднего поколения ориентированы ныне скорее на инструментальное знание, чем на рефлексивное, т. е. на профессиональную и прикладную социологию, а не на критическую и публичную. Может быть, смена преобладающих в нынешнем социологическом сообществе ценностных ориентаций произойдет в том поколении, которое сейчас еще на студенческой скамье?

Во всяком случае, от предшествующих поколений социологов здесь многое зависит. Они могут способствовать этому процессу — путем передачи эстафеты не только профессиональных знаний и умений, но и ценностного и этического багажа, а также ответственного отношения к своей профессии.

¹ <http://www.polit.ru/news/2007/12/31/yadov.popup.html>. Кроме упомянутого В.А. Ядовым письма в поддержку Карин Клеман, социологи-специалисты в проблематике трудовых отношений в ноябре же 2007 г. выступили с Обращением к обществу и правительственным структурам под названием «Наемные работники фактически лишены права на защиту своих интересов». Это Обращение тоже было опубликовано на Полит.ру: <http://www.polit.ru/dossie/2007/12/05/labour.html>.

Сергей Ерофеев

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

С определенной долей уверенности можно сказать, что, несмотря на отсутствие принципиального институционального изменения наподобие того, которое произошло в странах Восточной Европы, социология в России существует в первую очередь для самих социологов. Люди этим зарабатывают себе на жизнь, с помощью социологии получают групповое и, более того, внегрупповое признание и стремятся к воспроизводству социологии как академической дисциплины, исследовательской практики и части интеллектуальной культуры индустриального и постиндустриального общества. Существует ли социология для общества — вопрос непростой, поскольку прямого общественного заказа на нее в России нет. Вместе с тем, люди привыкают к наличию некоего социологического элемента в содержании медиа, хотя часто он воспринимается не как один из голосов в гармонии, а как «фон» или декорация. Можно полагать, что, будучи так или иначе артикулированным в информационном поле, этот фон может стать частью «переднего плана», вполне инструментальной частью применительно к задачам политической аргументации и манипуляции. И в этом заключается надежда социолога на большую собственную востребованность и на пополнение ресурсов воспроизводства дисциплины как социологии для социологов. Социология для социологов, если под последними понимать более широкий круг интеллектуалов, имеющих склонность к социокультурному анализу, вполне может существовать как относительно герметическая практика, не выходящая за пределы спецсеминаров. В этом смысле, при ужесточении политического режима социологи вполне могут стать новым «поколением дворников и сторожей», были бы политические и финансовые условия для производства малотиражных изданий.

Социология для университетов существует как часть общей схемы сохранения преемственности столь превозносимого «фундаментального российского образования». Здесь вовсе не требуется анализ конкурентоспособности кафедр и положения отечественной науки в контексте мировой. «Гуманитарная операция» по спасению кадров 1980-х годов прошла относительно безболезненно, новые слова заменили старые, при этом наметилась перспектива смены поколений без превращения отечественной социологии в открытую миру науку, в академико-административном плане основанную на принципе заслуженности (merit-based). Существующие институты публикаций вполне удовлетворяют этим требованиям и не требуют коренной перестройки. Разумеется, большой вклад в такое положение дел вносит популярность университетской социологии как механизма дополнительной легитимации

субъектов власти – как на институциональном, так и на персональном уровнях, когда, например, депутату приличнее иметь степень, чем обходиться без таковой.

Существует ли социология для (гражданского) общества? На Западе нам бы ответили: «и да, и нет». Для западного общества научность социологии давно общепризнанно относительна, что не умаляет ее легитимности как средства получения нового знания о состоянии и перспективах развития того, что окружает среднего западного обывателя. Социология, как и свобода слова, является частью того воздуха, которым дышит человек, не замечая его. В России социология для общества в целом пока почти не стала чем-то большим, чем анкетирование населения и предвыборные рейтинги. Тем труднее говорить о том, стала ли социология «чем-либо» для гипотетического отечественного гражданского общества (или она скрытно готовит его пришествие?). Для ограниченной части населения, людей, которые хотели бы себя позиционировать как основа гражданского общества вне зависимости от того, являются ли они националистами, либералами, либертарианцами или социалистами, социология пока существует по преимуществу от случая к случаю: если есть желание и возможность привести социологическую аргументацию, то социология скажет свое тихое слово. При этом система референций не обязательно будет соответствовать таковой в рамках международного социологического дискурса – достаточно упомянуть в качестве социолога хоть Сорокина, хоть Гидденса, хоть Лотмана, хоть Ильина. В данной среде социология не возбраняется, как, например, не возбраняется отстаивать идеи особого пути России хоть с Марксом, хоть с соборностью на устах, уютно чувствуя себя в европейском платье и пользуясь европейским мышлением.

Для власти социология существует «на всякий случай». На ум идет ассоциация с домохозяйкой, которая, когда у нее ломается унитаз, на помощь зовет не сантехника, а шамана. Ничего обидного в адрес шаманов, поскольку здесь тоже присутствует понятие профессионализма. Причем в области современной шаманической медийной манипуляции и приемы тоже бывают вполне «современные» (а именно «модерные», классического образца начала XX века – здесь скорее приходит на ум передовая административная и социально-регулятивная практика Запада, в определенной своей части столь успешно применявшаяся с 1910-1920 годов большевиками в первую очередь в целях собственного внутреннего контроля). То есть в случае с российской властью-домохозяйкой речь идет о подмене решения, основанного на реалистическом анализе и применении общепринятых в современной сантехнике стандартов (например, точном знании того, какие нужны запчасти), решением на основе эстетического посыла. При этом нечто иногда может «получиться», что, впрочем, не решает проблемы в долгосрочной перспективе. Для такой перспективы есть швейцарские банки и социология, сколь далекими относительно друг друга не казались бы эти институции, – на всякий случай.

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

«Когда я стану великаном» (фильм начала 1980-х годов с юным Ефремовым-младшим в роли школьного underdog), то социологов будут приглашать на ТВ так же часто, как и современных «политологов». В идеале, им бы регулярные публикации в популярных журналах и колонки в серьезных газетах наподобие того, как туда в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов прорывались исследователи культуры типа Артемия Троицкого. Может быть своя, социологическая, «Антропология» на канале «Культура» смотрелась бы весьма привлекательно, или Гордон вернулся бы на 1-й канал с программой о России 2030-го года, да в прайм-тайм, да с социологами. Вот они и границы публичности – баумановский интерпретатор ненавязчиво, но неотвратимо присутствует на переднем плане медиа. Для этого не требуется в общении с реципиентом сложной статистики и системы референций, но такое «фундирование» должно чувствоваться – миссия гораздо более ответственная, чем общение «критических» социологов в рамках упомянутых выше спецсеминаров. Впрочем от социологии публичной сферы указанное, понятно, в принципе отличается как «нищета философии» от «философии нищеты».

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима? Какие техники и методы в рамках публичной социологии больше подходят для разработки тех или иных проблем?

Неуместных тем нет. Первоочередные – «общественное сознание», как сказали бы советские исторические материалисты, или, например, проблема энергии в поддержании сложности общества (нынешняя медиа-бомба Гомера-Диксона из Университета Торонто). Одна из техник публичной социологии, особенно с учетом возможностей дигитализации ТВ, – публичная презентация книг социологов. Метод адресации к междисциплинарности всегда на руку в обращении к диверсифицированной аудитории.

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Вправе: «что-что, а уж право-то Вы имеете» (Гафт в «Гараже»). Или: «ты, как мужчина, желающий стать женщиной, не можешь иметь детей, но ты можешь иметь право иметь детей» (Монти Пайтон, «Жизнь Брайана»). Это к вопросу о собственных внутренних пределах. Внешние же пределы могут определяться законодательством, если социология станет такой же опасной, как евгеника. Инициировать изменения сама по себе социология вряд ли сможет, но она же ведь предполагается в качестве части системы общественного влияния: даст бог, найдутся такие

агенты политического поля, которые поймут, что вот такая-то социологическая загогулина на самом деле может стать рычагом, применимым к социальной системе в целях изменения ее конфигурации.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)? Если да, то насколько эта тенденция глубока, в какой степени затрагивает практики социологического исследования и письма? Если нет – почему?

Когда рождалась новая российская социология (образца 1990-х годов в отличие от «старой» образца начала 1960-х и университетской, преимущественно, «квазисоциологии»), то для большинства ее субъектов поле неизмеримо превалировало над кабинетом. Так о каком повороте речь? Это, впрочем, не гарантирует ее большей публичности, как кабинетность, например, культурсоциолога, больше работающего с книгами и Интернетом, не закрывает ему путь к большей публичности. В рамках самой дисциплины «публичный поворот» как-то не укладывается в ряд других поворотов в социогуманитарных науках (культурный, лингвистический, прагматический). Это как если бы у нас была тайная кабинетная социология, и вдруг она поняла, что «все ее разные искусства при публике не значат ничего» (парафраз одного из стихов о «милицианере» Пригова), и надо что-то срочно делать. Если же публичный поворот «случился» с социологией, то это уже другая песня, и в первую очередь не про социологию.

Какой вам видится роль публичной социологии ближайших десятилетий?

Снова вспоминается покойный Пригов: в мире идет борьба простого со сложным. Последнее коренится в культуре метрополиса, где уже нет старых межкультурных границ (но могут быть новые, более сложные). Поддержание сложности требует, согласно Гомеру-Диксону, определенного запаса энергии. Применительно не к историческим социально-экономическим системам, а к социокультурной системе под названием Россия, а также к будущности социологии, это означает сохранение и приумножение энергии критического реализма для поддержания устойчивой сложности этой системы. Как, например, федерализм необходим для поддержания целостности системы (с целью избегания в противном случае неизбежного распада страны) на основе сохранения ее политической сложности, так социология должна стать частью сложного публичного интеллектуального дискурса. Вот бы еще денег побольше на образование (и открытости оно) для того, чтобы аудитория через десятилетия была соответствующая!

Елена Здравомыслова

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Российская социология воспринимается публикой как институция производства массовых опросов общественного мнения в отношении политики и электоральных процессов. Особенно часто социолог идентифицируется как профессионал, который может прогнозировать итоги выборов, политические предпочтения населения... Для самих социологов, слава богу, это не так. Хотя прикладники готовы согласиться с таким пониманием своей социальной миссии.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии? Какую бы классификацию предложили вы? Чем различаются между собой эти виды социологического труда?

Я бы чуть иначе иначе парафразировала Буравого. По-моему в его случае речь идет не о прикладной социологии, а о маркетинговой. Это важно, потому что прикладные исследования могут сочетаться с любыми другими вариантами. Кроме того, мне кажется не вполне убедительным его различение критической и публичной социологии. Как правило, в реальной полевой работе критики становятся публичными социологами. Мне кажется, что в российском контексте при нынешнем уровне институционализации социологии в России такие разделения проводить не приходится. Но вообще-то уместно говорить о постнациональной фазе развития социального и гуманитарного знания сегодня (Аппадурай), а мы все про национальную самобытность...

Что, с вашей точки зрения, входит в сферу публичной социологии? Как бы вы определили границы этого направления?

Я не думаю, что это направление. Я думаю это роль, которую берет на себя социология. Самое ее ядро – это ориентация на гражданское общество, на социальные проблемы людей. В этой связи я считаю, что инициативные гражданские организации – это «естественные союзники» социологии. А именно они в российском контексте имеют о ней весьма смутное представление. Тем не менее они сами порождают доморощенную социологию и ее надо профессионализировать.